

УДК 930

doi 10.17072/2219-3111-2024-4-183-195

Ссылка для цитирования: Кулагин М. С. Изобретение одиночества в позднем СССР: к истории одной дискуссии // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 4(67). С. 183–195.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В ПОЗДНЕМ СССР: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

М. С. Кулагин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

kulagin.mi@mail.ru

ResearcherID: LWK-5900-2024

SPIN-код: 7891-0070

Статья посвящена дискурсивному открытию и последовавшему за ним оформлению темы одиночества в позднем СССР. Автора интересует, как в Советском Союзе конца 1960-х гг. феномен одиночества, ранее описываемый журналистами-международниками как следствие капиталистического строя, наряду с массовой бездомностью, безработицей, отчуждением и атомизацией, обнаруживался, идеологически нейтрализовывался и становился частью социальной политики позднесоветского государства. В статье описан круглый стол в редакции «Литературной газеты», состоявшийся 20 июня 1967 г., целью которого было обсуждение статьи чехословацкой журналистки об опыте обнаружения одиночества в ЧССР, выработке стратегий его описания и изобретения способов его преодоления, таких как брачные объявления в сельских и городских газетах, а также специализированных служб знакомств, обеспечивавших профессиональную помощь в поиске второй половинки. Определены условия возможности появления подобной дискуссии и подходы к рекрутингу экспертов, бывших частью редакторской политики обновленной «Литературной газеты». Рассмотрена послевоенная история трансформации дискуссии как особого рода дискурсивного жанра и практики социального взаимодействия, чувствительной к изменениям в системе социальных отношений. Особое внимание уделяется развернувшейся в ходе обсуждения борьбе дискурсов за означивание одиночества. Автор обращается к модели дискурс-анализа, разработанной Э. Лакло и Ш. Муфф, для исследования хода этой борьбы и выявления политических импликаций в речах участников дискуссий. Был определен перечень дискурсов, чьи ресурсы привлекались экспертами для фиксации значения одиночества, выявлены антагонистические континуумы значений, особая констелляция которых оформила стратегии последовавшего за дискуссией институционального освоения одиночества.

Ключевые слова: дискуссия об одиночестве, служба знакомств, дискурсивный трансфер, артикуляция, открытие социальной проблемы, эксперты, науки о человеке в СССР, кибернетика, поздний социализм.

Введение

На 13-й полосе «Литературной газеты» от 7 июня 1967 г. под шапкой «На разные темы» размещены материалы, высвечивающие значимые аспекты советского общества эпохи позднего социализма. Анатолий Рубинов отчитывался о ходе журналистского эксперимента по улучшению качества работы почтовой службы за счет введения машин для сортировки писем. Лесозаготовки обсуждали из перспективы правильного природопользования. На каникулярном фото «Уроки закончились», которым отмечен первый летний номер «ЛГ», куда-то бегут, размахивая портфелями, мальчишки с дворнягой. А «подвал» отдал экзотике из жизни соцлагеря – Мирослава Ректорисова делится чехословацким опытом помощи одиноким людям в поиске спутника / спутницы жизни. При всей ситуативности сборки социокультурные миры позднего социализма можно охарактеризовать с опорой на одну газетную полосу как ансамбль социотехнического оптимизма, пробуждающегося экологического мышления, школьной эстетики и постепенно распознаваемых проблем человеческого существования в мирах современности.

13-я полоса июньского номера «ЛГ» примечательна еще в одном отношении. О проблемах почты, сохранении лесов и одиночества газета продолжила писать летом 1967 г. Но только на статью пражской журналистки «Средство от одиночества?» читатели откликнулись «огромным потоком писем» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 1329. Л. 5). Они приветствовали создание служб знакомств в ЧССР и ратовали за заимствование ценного опыта. Под напором «страстных трактатов» редакция, поначалу расценившая материал «весьма ироническим» и обсуждений не планировавшая (Там же. Л. 3, 5), скорректировала позицию. С нескрываемым удивлением сотрудники главной газеты советской интеллигенции открыли для себя масштаб одиночества и атомизации в стране победившего социализма. Для того, чтобы вывести распознанную социальную проблему в плоскость публичного обсуждения и привлечь к ней внимание советской общественности, требовались дискурсивная форма и локализация явления в идеологически непротиворечивой системе координат. Эту настройку редакция «Литературки» произвела 20 июня 1967 г., организовав закрытое обсуждение статьи Ректорисовой. От экспертов из разных областей ожидали осмысления одиночества «во всех аспектах» (включая морально-нравственный), оценки степени актуальности проблемы для СССР, ответственного отношения к чехословацкому опыту и выработки институционального дизайна для ее решения с учетом советской специфики. Круглый стол стал важным моментом в дискуссии об одиночестве в СССР, растянувшейся на полтора десятка лет и закончившейся созданием советской службы знакомств.

В статье, посвященной изучению круглого стола в редакции «ЛГ», автор ставит и решает следующие вопросы: как обсуждение одиночества стало возможным? кого пригласили для участия? как, привлекая дискурсивные ресурсы разных наук (и искусств) о человеке, эксперты стабилизировали значение одиночества? какие практические решения предлагали? какое влияние редакционное обсуждение оказало на общественный разговор об одиночестве в СССР? Раскрывая эти аспекты с опорой на опубликованные материалы и стенограмму круглого стола, мы будем отслеживать, как одиночество легитимировалось в качестве допустимого способа существования в условиях позднего социализма, меняющегося режима публичности и становления института экспертизы в СССР.

Коммуникативный барометр эпохи

Расцвет дискуссий в послевоенном СССР пришелся на оттепель. В период, когда от граждан ждали коллективного переосмысления советского проекта [Wolfe, 2005, p. 34], предметом обсуждения становилось практически все: от автономии предприятий [Лазарева, 2016] до темы современности в прозе последних лет (Литвинов, 1958, с. 3) и личностных черт советского человека [Богданов, 2011]. С точки зрения клубных работников, дискуссия активнее, чем диспут вовлекала участников культмассового мероприятия в коллективное действие, будучи «спором слушателей», а не «спором за слушателя»¹ (Триодин, 1966, с. 2). А фрунзенские коммунары приближались к светлому будущему, публично обсуждая на «откровенных разговорах» личности своих товарищей и их поступки [Димке, 2018, с. 159–174]. Это было время настоящего дискуссионного «взрыва» [Кукулин и др., 2022, с. 215–217].

Заметные «творческие дискуссии» в искусстве и науке², которыми был ознаменован поздний сталинизм, имели вид кампаний, нацеленных на пересмотр эпистемологического, а точнее идеологического status quo [Кожевников, 1997, с. 28]. Политические импликации и организация сверху оставляли место для репрессивных импровизаций. Имея известную степень свободы высказывания, участники обсуждения вырабатывали новый консенсус, закрепляемый официальным постановлением. С наступлением оттепели формат дискуссии меняется³.

Отсчет этим изменениям ведут от дискуссии «об искренности», начатой в 1953 г. статьей Владимира Померанцева «Об искренности в литературе». Обсуждение этических принципов десталинизированной литературы развернулось на страницах сразу нескольких изданий при участии литераторов и читателей, чьи письма публиковались подборками. Как результат, требование искренности превратилось в категорический императив эпохи [Руттен, 2017].

Условия производства публичных высказываний изменились, а их значимость возросла, что свидетельствует о смене режима публичности [Атнашев и др., 2021, с. 44]. Теперь дискус-

сии, не укладывавшиеся в плебисцитный фарватер кампании, возникали спонтанно. Их курировали редакции журналов и газет, на страницах которых разные позиции встречались и становились предметом бурных обсуждений. Доступ к участию в этих обсуждениях демократизировался, а темы от общегосударственных и политических смещались к частным, интимным, морально-этическим. Публичная дискуссия стала ключевой культурной формой для поиска ответов на вопросы, оформлявшие смысловые горизонты оттепели.

Дискуссия об одиночестве, развернувшаяся в «ЛГ», в чем-то продолжала оттепельные традиции. Она началась случайно и, как и дискуссия о «физиках-лириках», затронула проблему отношений человека к себе, другому, миру в стремительно меняющихся ландшафтах позднего социализма [Costanzo, 2006]. Однако открытость для участников всего дискурсивного сообщества газеты, включая читателей, сменилась ограниченным доступом для участия в круглом столе, а публичное многоголосие оттепели – репликами малочисленных, но влиятельных специалистов брежневской эпохи.

Импульс и трансфер дискуссии

Два объявления о знакомстве в начале очерка Ректорисовой иллюстрировали явление, уже ставшее привычным, но еще несколько лет назад немыслимое для чехословацкой печати. Открытие одиночества в качестве социальной проблемы сопровождалось расширением репертуара социально приемлемых способов знакомства (Ректорисова, 1967, с. 13).

Отправной точкой стал материал в «Земледельских новинах» о читателях-земледельцах, живущих изолированно и потому ограниченных в поиске партнеров. Дополнением стали брачные объявления, имевшие успех у публики. Журналистские эксперименты с фиктивными объявлениями, проведенные одновременно на радио и в центральной печати, изменили представления о географии одиночества. От него, как оказалось, страдали не только члены сельхозкооперативов, но и горожане – «инженеры, врачи, учителя, пенсионеры» (Там же). Проблему одиночества, вдруг ставшую повсеместной, решали с помощью брачных объявлений. А в 196 г. в Праге, Брно, Пльзене, Остраве и Оломоуце открылись «службы знакомств».

Рассказать об их работе Ректорисова попросила эксперта-психолога – руководителя бюро знакомств в Брно. Специалист по «самым человеческим проблемам» противопоставила знакомство по объявлениям, «не являющееся приличным делом в глазах общественного мнения» и наводящее на мысли о «неполноценности», службе знакомств. Эта служба «создана не для тех, кто не может найти друга по причине своей апатичности, агрессивности или сложности характера. Она предназначена для нормальных людей, которые способны на гармоническое согласие с супругом» (Там же). Нормализация средств от одиночества вводила в норму и сам феномен, превращая его в предмет забот главных «специалистов по норме» – психологов.

Описанию алгоритма работы службы знакомств, «позволяющему поженить людей, еще вчера незнакомых» (Там же), отведена треть статьи. Психолог встречает одинокого человека. Расспрашивает, перенося личные данные на перфокарту. Первичный подбор потенциально подходящих друг другу карт (и индивидов) из базы данных проводит ЭВМ: технократическим эквивалентом совместимости становится «совпадение перфорационных отверстий» (Там же). Однако последнее слово в этом союзе экспертных пси-знаний и машинных алгоритмов остается за психологом.

Материал Ректорисовой, обладающий мощным перформативным зарядом, стал катализатором и моделью для советской дискуссии. Статья позволяла одиночеству и мерам ухода от него быть социалистическими; сужала многообразие видов одиночества до одного; выступала путеводителем по технологиям помощи; закрепляла за психологами статус главных экспертов по одиночеству и подчеркивала роль прессы, сделавшей одиночество видимым, понятным и вписанным в дискурс. При проведении круглого стола сотрудники «Литературки» отталкивались от текста Ректорисовой и использовали для навигации ее дискурсивные карты.

Экспертный пул «ЛГ»

В статье Ректорисовой за артикуляцию одиночества отвечают журналисты, а подготовкой и реализацией практических решений по организации помощи заняты психологи. В круглом столе, организованном редакцией «ЛГ», психологи упоминались, но не участвовали. Среди

участников были замечены социолог, психиатры-сексопатологи, юрист, сотрудница загса, писатели и журналисты. Обоснования экспертной сборки следует искать в редакционной политике реформированной «Литературки», в специфике советского перечня «наук о человеке», присутствующих в публичном поле, и в ситуативных обстоятельствах (трое социологов, пара адвокатов и сотрудник суда, получив приглашение, как явствует из текста стенограммы, до редакции так и не добрались).

Хрущевская оттепель стала для печатного органа Союза писателей временем сокращения тиражей, частой смены главных редакторов, падения читаемости и авторитета. Перемены пришли вместе с новым редактором. Александр Борисович Чаковский, назначенный на руководящий пост в декабре 1962 г., с первых дней готовил газету к реорганизации, которая превратит «ЛГ» в «оазис не только литературный, а и вообще» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 556. Л. 28). Превращение «Литературки» в «газету для широких слоев интеллигенции» (Там же. Д. 634. Л. 1) предполагало включение вопросов науки в число приоритетов и налаживание связей с учеными.

Здесь редакция, намеренная едва ли не в этнографическом ключе фиксировать состояния советского человека и общества, делала ставку на общественные науки и сближение с недавно реабилитированной социологией [Titarenko, Zdravomyslova, 2017, p. 45–50]. При обсуждении реорганизации «Литературки» в 1965 г. звучали предложения выпускать газету «при активном участии социологических обществ Советского Союза» и, таким образом, стать пристанищем для возрожденной науки (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 987. Л. 32).

Еще одной рекрутированной «наукой о человеке» была сексопатология. Молодая наука находилась в те годы на стадии становления, а потому нуждалась в общественном признании не только своего предмета, но и исключительного права на поиск решений для проблем поведения и сексуальной жизни [Кибрик, Ягубов, 2020, с. 59–60]. В последующие годы «ЛГ» опубликовала серию статей сексопатологов и провела дискуссию о половом воспитании (Баскина, 1968, с. 13; Колбановский, 1969, с. 13; Нойберт, 1969, с. 13). Тогда как приглашение сразу двух сексопатологов к разговору об одиночестве летом 1967 г. было их экспертным дебютом в газете.

Претендуя на роль главных человековедов журналистского цеха, сотрудники «ЛГ» не пригласили на обсуждение психологов. В отличие от стран соцлагеря, где терапевтическая культура формировалась при поддержке государства [Leuenberger, 2001, p. 264; Marks, 2018, p. 5], разработкой психологических словарей и осмыслением психологических, по сути, проблем современного общества занимались другие институты. Вопросы о тестах и научных методах диагностики совместимости, которые можно было бы использовать в службах знакомств, председатель адресовал сексопатологам. А нехватку понятийного аппарата, пригодного для обсуждения затруднений индивида в отношениях с собой и другими, «Литературная газета», издававшаяся в литературноцентричной стране, восполнила из арсенала «инженеров человеческих душ».

Используя сетевой капитал, журналисты собрали в редакции знакомых им специалистов. Среди участников круглого стола были психиатр Павел Борисович Посвянский и невропатолог Георгий Степанович Васильченко, стоявшие у истоков советской сексологии; врач-психиатр Анатолий Борисович Добрович, изучавший особенности общения; адвокат Аркадий Иосифович Ваксберг, специализировавшийся на гражданском и семейном праве; социолог Арон Израилевич Дондыш, писавший о трудовых резервах; сотрудница одного из московских ЗАГСов, Дашенко, чье имя мне не удалось установить; сотрудница «ЛГ» Валентина Филипповна Елисеева, возглавлявшая иностранный отдел, куда поступил материал Ректорисовой; сотрудница «Крокодила» Варвара Андреевна Карбовская, автор серии фельетонов о коллизиях в отношениях полов; корреспондент «Труда» Лариса Кузнецова, освещавшая «женскую тему»; члены редколлегии «ЛГ» Александр Иванович Смирнов-Черкезов и Юрий Павлович Тимофеев, писатели Николай Сергеевич Атаров и Марлен Михайлович Кораллов.

Состав участников позволял судить о диапазоне связей «ЛГ», отсутствию внятной экспертизы одиночества и о стремительном усложнении эпистемологического ландшафта позднего социализма, где для вновь открытых проблем человеческого существования были нужны новые эксперты [Collins, 2007; Nieto-Galan, 2016].

След обсуждения. Стенограмма

Стенограмма круглого стола, состоявшегося в редакции с обсуждением статьи Ректорисовой через две недели после ее публикации, занимает 87 машинописных страниц. По нашим подсчетам, это порядка 2,5–3 часов разговоров. Стивен Ловелл, отмечавший вклад стенографии в формирование публичной сферы Российской империи и ее плебисцитные деформации в сталинском СССР, ограничивает свой анализ эпохой стенографисток [Lovell, 2015]. Между тем запись беседы об одиночестве и перспективах создания службы знакомства в СССР делали на диктофон и правили в расчете на использование в подготовке печатного материала.

Редакция не планировала публиковать стенограмму ни в полном, ни в сокращенном виде. Но, судя по ремаркам председателя, качеству пикировки писателей Атарова и Кораллова и ряду других деталей, расшифровка была подробной. Порядок обсуждения соответствовал жанру экспертного обсуждения: председатель формулировал повестку, участники высказывались по очереди. Всякий раз они получали уточняющие вопросы или краткие резюме от Тимофеева или Елисейевой, более всего интересовавшихся отношением экспертов к брачным конторам и наличием у ученых научных методов для установления психологической совместимости незнакомцев. Иногда вопросы задавали участники круглого стола, названные по фамилии или оставшиеся безымянными. Обсуждение разворачивалось от несфокусированных изолированных высказываний к эмоциональной дискуссии по предмету, которая «получилась, как полагается. Были даже споры, кричали и горячились» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 1329. Л. 86).

«Все возможные аспекты ухода от одиночества», как это сформулировал председатель, были зафиксированы и собраны в стенограмме, которая, таким образом, обеспечила техническую видимость проблемы и разнообразия ее трактовок специалистами. Все вместе позволило газете принимать чехословацкий опыт всерьез и предпринимать следующие шаги в дискурсивном, коммуникативном, институциональном открытии советского одиночества.

Специфику экспертного обсуждения, след которого представлен в виде стенограммы, будем рассматривать с использованием трех аналитических линз:

а) из перспективы эссекской школы политического анализа дискурса [Laclau, Mouffe, 2001]: круглый стол в редакции «ЛГ» является привилегированной ареной борьбы за значение одиночества и мер противодействия ему, где не только выявляются напряжения (антагонизмы) между разными эпистемологическими и морально-этическими позициями участников, но и создается дискурсивная ткань советского одиночества;

б) из перспективы анализа публичной сферы [Dahlberg, 2018]: экспертное обсуждение одиночества в редакции было способом усиления значимости одиночества и одним из шагов на пути к обеспечению его видимости в качестве социальной проблемы в советской печати;

в) из прагматической перспективы микросоциологии [Silverman, 1998]: мы рассматриваем стенограмму круглого стола как полустертый и нечеткий след взаимодействия лицом к лицу, позволяющий получить частичный доступ к репликовым ходам, способам введения и развития тем, коммуникативному сотрудничеству и отказу от него, т.е. к характеру разговора, в ходе которого одиночество приобретало значение и превращалось в социальную проблему.

Антагонизмы одиночества

Если Ректорисова редуцировала все многообразие одиночества к дефициту знакомств, позволяющих создать семью, то Юрий Тимофеев, модерировав круглый стол «ЛГ», свел помощь одиночим людям к вопросу о службах знакомств. Поделившись с участниками результатом изучения читательских писем, председатель озвучил повестку: «...Выяснить точку зрения людей разных профессий относительно осуществимости такого учреждения [...] истоки проблемы, практический аспект ее, нравственный» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 1329. Л. 4–5). Меры, описанные Ректорисовой, следовало оценить на применимость в советских условиях.

Отвечая на вопрос о соответствии служб знакомств социалистической морали, эксперты разошлись во мнениях. Адвокат Ваксберг поддержал организацию брачных контор в СССР, полагая, что формат прошел тест на идеологическую пригодность в странах соцлагеря, где стал «повседневным явлением» (Там же. Л. 26). Делая упор на гуманизацию социальной сферы и все

возрастающую заботу о благополучии советского человека (в т.ч. улучшение культурно-бытового обслуживания), эксперт утверждал, что одиночки тоже «имеют... право на счастье³, право на семью» (Там же. Л. 28), а новые формы поддержки должны способствовать реализации этого права.

Адвокату возражали писатель Атаров и сексопатолог Посвянский. Первый видел в брачных объявлениях и службах знакомств, предлагавших подбор спутника жизни по «мещанскому ассортименту качеств» (Там же. Л. 67), возвращение института свах, «исторически [непригодно] для наших дней» (Там же. Л. 69). Второй считал чехословацкие новации «хламом капиталистического общества и капиталистических отношений» (Там же. Л. 33), а недолгая история социалистического строительства в странах Восточной Европы будила подозрения сексопатолога.

Эксперты сходились в том, что одиночество – это проблема, которую необходимо решать. Но имея принципиально разные позиции, категорически не сошлись в вопросе о причинах появления одиноких людей в стране коллективистов. Посвянский видел в одиночестве результат «полового нарушения», а в одиноких людях – потенциальных пациентов: «Среди этих лиц немало душевнобольных, людей, психически страдающих, страдающих половыми нарушениями» (Там же. Л. 36–37). Впрочем, медиализируя мужское одиночество, Посвянский помещал незамужних женщин в демографическую плоскость биополитики: «Статистические данные говорят, что после войны колоссальное количество женщин осталось без мужей [...] Девушки, достигнув 30-летнего возраста, не имеют возможности вступить в брак [...] Чтобы иметь эту возможность, нужно более широкое общение» (Там же. Л. 34). По-разному включая одиночек в порядок наук о человеке, советский сексолог позиционировал мужчин как ненормальных, а женщин – как вариант печальной нормы.

Несколько иначе эти акценты расставлял сексопатолог Васильченко, полагая, что одиночество – не болезнь, а результат «затруднений такого, чисто человеческого контакта» (Там же. Л. 6). Проблемы в общении он трактовал в просветительском ключе как результат психологической и сексологической неграмотности советских людей – нехватки у них знаний о различной «физиологической основе» мужчин и женщин (Там же. Л. 7, 13), из которой он выводил «основы понимания духовного мира женщины» (Там же. Л. 7) и на которую он упирал в ходе «длительных психологических бесед» с одинокими мужчинами. На этом фоне Ваксберг выглядит главным выразителем социологической повестки. Одинокими адвокат считал людей, «которые не могут найти спутника по целому ряду причин социально-бытового характера, так и от их личного характера, не могут найти общего языка с людьми» (Там же. Л. 28).

По-разному артикулируя одиночество с опорой на разные эпистемологии и моральные порядки, эксперты не достигли консенсуса и не установили всеобъемлющего контроля за его значением. Однако, как кажется, именно неснятый антагонизм способствовал распознаванию в одиночестве социальной проблемы, нуждающейся в поиске подходящих решений.

(Не)возможные решения

Как неприятие чехословацкого опыта преодоления одиночества, так и симпатия к нему требовали от участников круглого стола, организованного в «ЛГ», предложений по решению проблемы.

Сотрудник ЗАГСа и психиатр предложили организовать *семейные консультации*, просвещающие как молодоженов, так и супругов со стажем «в отношении гигиенических правил, связанных с браком», используя форматы «лекций, индивидуальных бесед» (Там же. Л. 35). Сатирик Карбовская считала, что консультировать должны врачи (Там же. Л. 16), а сексолог Посвянский допускал участие юристов, писателей, социологов, «соответствующим образом ориентированных» (Там же. Л. 35), но руководящую роль предлагал оставить за сексологами, ссылаясь на зарубежный опыт. Консультации должны были заниматься профилактикой одиночества. Для тех, кто болен им, Васильченко предлагал «половой подбор» по медицинским показателям (Там же. Л. 50).

Расширение пространств для знакомства. Психиатр Добрович отказался от всей полноты экспертной власти над одиночеством, полагая, что время врача приходит «только, когда произойдет катастрофа. Тогда он может сказать: разойдитесь или перемените образ жизни» (Там же. Л. 49). Помогать прочим одиноким людям он предлагал, создавая коммуникативные пространства: «Если бы [...] состоялся вечер блондинок [...] это было бы приятной формой об-

щения, которая также преследовала бы цель знакомства» (Там же. Л. 47). Одиночество из этой перспективы было следствием дефицита социально значимых связей, от которого спасает интенсификация общения. Из этой же серии предложения Посвянского о создании мест для знакомств и расширении «институтов отдыха». Сексопатолог предлагал «устраивать кафе и не только для молодежи⁴, но и для среднего возраста» (Там же. Л. 36), размыкая социальные круги, в которых «люди, надоевшие друг другу на работе», встречались в часы досуга, организовав «дома отдыха для одиноких, которые смогут [там] знакомиться» (Там же. Л. 43). Тогда как писатель Атаров делал ставку на общение на расстоянии, предлагая организовать аналог военно-полевой почты для одиноких (Там же. Л. 71). Превращаясь в объект культурных политик, одиночество вписывалось в рутины повседневности и нормализовывалось.

Службы знакомств. Выступая за трансфер чехословацкой модели, Ваксберг воспроизводил психологизированное понимание одиночества. Он исходил из того, что в советских службах знакомств можно будет выяснять «интересы, склонности, эстетические и эмоциональные критерии, которые предъявляет данный человек к женщине или мужчине» (Там же. Л. 29) и осуществлять подбор кандидатов. Рационализация знакомства должна была исключить элемент случайности, который Ваксберг называл главной причиной развода, ссылаясь на социологическое исследование советской семьи, предпринятое Анатолием Георгиевичем Харчевым (*Харчев, 1964*). С помощью психологических языков службы знакомств индивидуализировали запрос и в то же время социологически типизировали проблему одиночества. Главным экспертом здесь должен был стать психолог, который «увидит с кем он имеет дело, и сможет дать разумный совет» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 1329. Л. 24). Однако не все участники обсуждения были с этим согласны. Писатель Смирнов-Черкизов мечтал об «информаторе, который помог бы найти пару» (Там же. Л. 44).

Исследовательский институт. Поскольку вслед за Ректорисовой участника круглого стола, говоря об одиночестве, имели в виду только тех, кто хотел бы создать семью и не может найти спутника жизни, создание института исследования семьи стало вполне логичным предложением по борьбе с одиночеством. Социолог Дондыш полагал, что «одних социологов и сексологов здесь будет мало» (Там же. Л. 21). Журналистка Кузнецова добавляла к списку экспертов по одиночеству экономистов.

Если припомнить, что при организации круглого стола редакция ставила во главу угла вопрос о мерах противодействия одиночеству, то следует признать, что эксперты набросали сразу несколько институциональных решений проблемы, но мало что смогли сказать по существу о службах знакомств. Разговор об этих учреждениях раз за разом соскальзывал на использование кибернетических техник для выявления совместимости незнакомцев. У этого смещения была своя дискурсивная логика.

Кибернетика совместимости

На первый взгляд, соскальзывание обсуждения одиночества в моральные дебаты о перфокартах совместимости может показаться случайным и экзотическим. Однако без учета антагонизма, возникающего между позициями тех, кто видел в ЭВМ средство оптимизации деятельности служб знакомств, и теми, кто считал аморальным использовать вычислительное устройство там, где необходима работа души и чувств, дискуссию об одиночестве невозможно вписать в дискурсивную сеть оттепели, развернувшуюся между искренностью и технооптимизмом.

К концу 1960-х гг. кибернетика слыла модной наукой об управлении, контроле и оптимизации разнообразных явлений и процессов [*Gerovitch, 2002, p. 263*]. В алгоритмизации и повсеместной автоматизации видели избавление от застарелых проблем во всех областях жизни: от образования и медицины до экономического планирования и государственного управления. Тему использования ЭВМ в работе служб для выявления совместимости незнакомцев ввела Ректорисова. Она не оставила равнодушной ни читателей, ни экспертов.

Киберскептиков, которые в этой дискуссии занимали позицию лириков, смущали механизация и отчуждение, привносимые в романтические отношения вычислительной машиной. И если Атаров отказывался верить «в такую кибернетику, которая создает стихи [...] и подби-

рает невест» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 1329. Л. 68), то Посвянского беспокоило «упрощение» человеческих отношений (Там же. Л. 36). К 1967 г. кибернетику уже не считали в СССР буржуазной наукой, однако сексопатолог по инерции видел в «брачных кибернетических машинах» капиталистические решения (Там же. Л. 34).

У применения ЭВМ за круглым столом в «ЛГ» было много сторонников. Но они расходились по вопросу о целях и масштабах использования машин в работе служб знакомств. Ваксберг предлагал использовать их как секретарей для регистрации запросов (Там же. Л. 41). Смирнов-Черкизов упирал на систематизацию и обработку данных: «Чем больше будет информации, тем больше будет необходимости в такого рода машинах» (Там же. Л. 45). Васильченко предлагал задействовать ЭВМ для «подсказки» при первичном подборе кандидатов в картотеке (Там же. Л. 53). А Дондыш, ссылаясь на успешный опыт использования кибернетики для постановки диагнозов и планирования, считал возможным ее широкое применение для «прогнозирования будущей семьи» (Там же. Л. 42). Отвечая на обвинения «пириков», технократы за круглым столом разделяли знакомство и его последствия, когда доказывали, что ЭВМ создает возможность встречи, а состоится ли она, перейдя в эмоционального и ценностно окрашенные отношения, зависит не от машины, а от двоих людей, которые не имели бы шанса сделать свой выбор, не будь перфокарт, базы данных и алгоритма: «Машина дает такие сведения, которые ни к чему не обязывают» (Там же. Л. 46).

Технологический оптимизм относительно использования ЭВМ для подбора пары опирался на способность вычислительной техники к поиску и выявлению паттернов внутри больших множеств: «Молодой человек подходит к некоему автомату, знакомится с правилами [...] опускает в машину свою перфокарту. Затем, через некоторое время, он подходит снова к этой машине и смотрит – есть ли ответ? [...] Оказывается, есть такая девушка или женщина, которая хочет [познакомиться]» (Там же. Л. 46). Совместимость данных здесь технократически приравнивалась к психологической совместимости. Утопическая картина всеобщего счастья, которую рисовал Добович, предполагала поиск подходящей пары для каждого гражданина с помощью ЭВМ.

Но уже сейчас служба знакомств, оснащенная ЭВМ, которую один из читателей «ЛГ» назвал «координационным центром» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 1444. Л. 29), могла бы стать институтом, облегчающим заметно усложнившуюся личную жизнь с помощью координации, которая сплавила кибернетическую рациональность застоя с аффективностью оттепели [Орлова, 2023, с. 29].

Витрина дискуссии

Заключительная реплика в стенограмме принадлежала Валентине Елисейевой. Заведующая иностранным отделом, через который проходила статья Ректорисовой, выражала надежду на то, что «круглый стол поможет организации конторы или чего-то такого» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 1329. Л. 87), и обещала публикацию материала по итогам дискуссии. Отчет о круглом столе, подготовленный Юрием Тимофеевым, напечатали полтора месяца спустя в рубрике «Дискуссионный клуб». Объемный очерк «Высокое и трудное бремя чувств», занимавший большую часть полосы, подводил итоги не только редакционному круглому столу, но и дискуссии об одиночестве в целом.

В тексте был упомянут чехословацкий импульс обсуждения, признан вклад читателей «ЛГ» в открытие одиночества в качестве социальной проблемы, предоставлено слово – через прямое цитирование и пересказ – читателям, участникам круглого стола и другим экспертам (Тимофеев отмечает, что при подготовке очерка проводил дополнительные консультации) и выражено отношение автора к организации службы знакомств в СССР.

Через обширные цитаты из писем непоименованных читателей одиночество советского человека вписывалось и в социалистическое разделение труда, и в структуру плановой экономики, и в образ жизни учительницы, работающей от рассвета до заката в женском коллективе, или инженера, не выходящего за пределы «мужского» конструкторского бюро. Что касается экспертов, то Тимофеев характеризовал их отношение к решению проблем одиноких людей как в целом позитивное: «Не ханжи же они какие-нибудь!» (Тимофеев, 1967, с. 11), но сам занимал куда более осторожную позицию, объясняя избыток энтузиазма читателей засильем технокра-

тии: «Миллионы [...] поверили, что нет границ [научному] всемогуществу. Нужно ли при этом удивляться, что, прочитав в связи с брачными конторами такие слова, как “ученые”, “кибернетическая машина”, они поверили: это уж с гарантией!» (Там же). Рационализация брака вызвала у него отторжение своей безнравственностью: «Мещанский ассортимент требуемых качеств, который сможет предъявить клиент в будущую брачную контору, абсолютно ничего не даст ему, даже если советчик его будет сексологом, психологом, кибернетиком!» (Там же). Сопоставляя службу знакомств с магазином, Тимофеев указывал на опасность коммодификации отношений и упрощение внутренней жизни, противоречащее ценностям социализма.

Со стороны редакционной политики предполагалось, что очерк Тимофеева расставит необходимые акценты, и тема будет закрыта. Однако на собрании редколлегии, состоявшемся через день после публикации, трое сотрудников «ЛГ» критически отозвались на текст. Признавая его публицистические достоинства и даже предлагая разместить на «красной доске» лучших материалов (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 1339. Л. 11, 18), участники «летучки» не соглашались с автором по существу дела. Публицист Леонид Жуховицкий заявил, что «тоска одиночества, она существует» (Там же. Л. 12). Смирнов-Черкизов назвал Тимофеева «антигуманистом», оставляющим в беде одиноких людей: «Разве не гуманно было бы им помочь?» (Там же. Л. 19). Продолжая разговор о ценностях и перестраховке, критик Кораллов назвал Тимофеева защитником личности «от вмешательства кибернетики и стандарта», а внутреннего мира – «от вторжения государства». Себя Кораллов отнес к сторонникам такого «вторжения» (Там же. Л. 22).

Отвечая своим критикам, Тимофеев говорил о пилюле счастья – метафоре, возникшей у одинокой женщины, с которой Тимофеев беседовал после публикации своего очерка. Для человека, понимавшего любовь как «страдания и труд души» (Там же. Л. 27), стремление заполучить волшебную пилюлю оборачивалось вызовом: «При всем разговоре о гуманизме... имеем ли мы право стать на защиту таблеток вместо любви и страданий?! Это страшная вещь» (Там же). Как и Смирнов-Черкизов, Тимофеев проявлял «заботу о советском человеке», но видел ее не в коллективной помощи страдальцам, а в подтверждении культурной ценности и экзистенциальной значимости «труда сердца».

Елисеева, завершая еще одно редакционное обсуждение, предложила продолжить дискуссию об одиночестве на страницах «Литературки», если ее участники, не возвращаясь к «брачным конторам или службам знакомств», предложат иную «позитивную программу» (Там же. Л. 34). Вторая волна читательских откликов, на этот раз возникшая в ответ на очерк Тимофеева, не отвечала этому условию. Читатели обвиняли автора очерка в закрытии темы, логических ошибках в трактовке позиции Ректорисовой, отказе от заимствования социалистического трансфера, отсутствии воли к эксперименту и неуважении человека с его реальными проблемами и заботами. В фонде «ЛГ» в РГАЛИ хранится 66 писем, поступившим в редакцию в течение месяца после публикации текста Тимофеева⁵. Ни одно из них не было опубликовано. И наоборот. Письмо инженера Баровича, опубликованное две недели спустя, в редакционном архиве отсутствует.

Читатель критикует Тимофеева, расценивая его текст как попытку «отмахнуться от проблемы, сложность которой автор прекрасно понимает» (Барович, 1967, с. 13). Он писал об отсутствии мест для знакомств и видел в чехословацких службах «конторы», предназначенные для людей «за тридцать, не имеющих или потерявших семью» (Там же). В конце письма он, сам того не зная, вторил Смирнову-Черкизову, когда вопрошал: «Разве помочь тысячам людей избавиться от одиночества — не гуманный акт?». Попытка в одиночку артикулировать одиночество, предпринятая Тимофеевым, как кажется, не удалась.

Эхо одного обсуждения

Дискуссия получила продолжение на страницах газеты два года спустя. В № 43 «ЛГ» за 1969 г. была опубликована статья популяризатора кибернетики и научного журналиста Виктора Пекелиса «Советчик в любви». Автор признавался, что «статья родилась из заметок, которые он сделал на полях обзора круглого стола в дискуссионном клубе “ЛГ” еще два года назад» (Пекелис, 1969, с. 12–13). Опираясь на успешный опыт студентов Гарварда, создавших «электронную советчицу» для помощи в поиске спутника, Пекелис обосновывал преимущества зна-

комства через ЭВМ созданием «оптимальной брачной пары» и минимизацией вероятности развода. В то время главной причиной развода считалась «психологическая несовместимость» (Соловьев, 1968, с. 13; Светланаова, 1969, с. 12), которую устраняло занесение на перфокарту «объективной самооценки личности». Там, где Тимофеев видел угрозу человечности, Пекелис рассчитывал на ее интенсификацию.

Отложенная реплика Пекелиса возродила интерес к теме. Лингвист Шрейдер высказывался об ограничениях машин, не соответствующих «высоким критериям духовной связи людей» (Шрейдер, 1970, с. 12), тогда как драматург Володин и академик Берг ратовали за ЭВМ (Берг, 1970, с. 12), недоумевая, «если в науке и технике столько достижений, то почему бы не внести рационализацию и в личную жизнь?» (Володин, 1970, с. 13). Все участники дискуссии на этом этапе считали проблему одиночества социально-психологической проблемой контакта. За два года медиализирующая трактовка одиночества в речи экспертов сменилась психологизирующей.

Что касается читателей, что новосибирский социолог Шляпентох произвел их анализ и пришел к выводу, что большинство воспринимает одиночество как проблему знакомства, обусловленную отсутствием мест, и присутствием свойств личности, атрибутировать которые по силам бюро знакомств, оснащенным ЭВМ (Шляпентох, 1971, с. 13). Среди читателей были и такие, кто выказывал готовность лично участвовать в создании служб знакомств. Однако 15 июня 1971 г. в «Правде» появилась анонимная заметка, с критикой Шляпентоха и «Литературы»: «Неужели ученый-социолог, а вместе с ним и редакция газеты полагают, что общественная активность советских людей найдет себе достойное применение в хлопотах по устройству «брачных бюро» с «электронной свахой», где будет выдаваться механический перечень желательных примет «оптимального партнера»? Нет уж, увольте!» (Правда, 1971, с. 3). После этого публичное обсуждение проблемы одиночества в СССР замерло еще на четыре года.

«Московский комсомолец», напечатавший в № 16 за 1975 г. статью научного сотрудника НИИ общих проблем воспитания АПН СССР «Я за прогнозирование брака» (Меликсетян, 1975, с. 4), нарушил паузу. А главной площадкой дискуссии середины 1970-х гг. стала «Неделя», воскресное приложение к «Известиям», где организовали общественный совет по вопросам семьи, утвержденный ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 394).

Включение одиночества в круг государственных политик семьи привело к организации в СССР служб знакомств в начале 1980-х гг. В их гибридном дизайне можно было различить след гетероглоссии, которая сопутствовала первым экспертным обсуждениям одиночества. Под одной вывеской уживались психологические и сексологические кабинеты, залы для тренингов и просветительских лекций. Службы знакомства создавались при домах быта и под началом Министерства бытового обслуживания, что приводило к коммодификации борьбы с одиночеством и ее включению в экономику услуг (Положение..., 1984). Времена альтруистов, готовых помогать тем, кто страдает от дефицита общения, на общественных началах, уходили в прошлое. В начале 1980х эту работу выполняли администраторы, а еще через пять лет – кооператоры.

Примечания

¹ В критическом дискурс-анализе Нормана Фэркло особое место отведено жанрам, понимаемым как дискурсивные расширения практик социального (взаимо)действия [Fairclough, 2003, p. 67]. Из этой перспективы выбор между диспутом и дискуссией оказывается выбором между разными порядками социальности, а распространение дискуссий – индикатором смены эпох.

² Дискуссий в философии (1947 г.), биологии (1948 г.), лингвистике (1950 г.), физиологии (1950 г.) и политэкономии (1951 г.).

³ Под «правом на счастье» подразумевается в первую очередь право на законный брак. Понимание заключения брака как акта достижения счастья нашло отражение в неофициальном названии ЗАГСов – «дворцы счастья». Подробнее см. [Штырков, 2013, с. 261–275].

⁴ Молодежные кафе, привычные в больших городах второй половины 1960-х гг., были одним из немногих мест знакомства молодых людей [Буреева, 2021, с. 192].

⁵ На 177 листах, хранящихся в РГАЛИ, читатели «ЛГ» упрекали Тимофеева за чрезмерное расширение предмета обсуждения (Ф. 634. Оп. 5. Д. 1444. Л. 1), попытки «напустить тумана в [...] четко сформулированную проблему» (Там же. Л. 29) и менторский тон (Там же. Л. 65, 110), на собственном примере доказывали актуальность проблемы (Там же. Л. 60, 63, 70) и выступали «за» организацию служб, способных

«помочь одинокому человеку из тысяч незнакомых, но живущих вокруг него людей, найти человека духовно близкого» (Там же. Л. 66), одобряли участие сексологов, социологов и психологов в борьбе с одиночеством (Там же. Л. 29, 60, 62, 64, 129), выступали за государственные меры (Там же. Л. 132) и предлагали альтернативные решения в виде клубов общения (Там же. Л. 33, 69, 72).

Список источников

- Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 634. Оп. 5. Д. 556. Л. 1–40; Д. 634. Л. 1–14; Д. 987. Л. 1–45; Д. 1329. Л. 1–87; Д. 1339. Л. 1–43; Д. 1444. Л. 1–175.
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 69. Д. 394. Л. 1–40.
- Барович М.* Почта редактора // Литературная газета. 1967. 23 августа.
- Баскина А.* Не зверь и не ангел // Литературная газета. 1968. 27 ноября.
- Берг А.* О любви, машинах и оракулах // Литературная газета. 1970. 18 марта.
- Володин А.* Ты тоже где-нибудь один // Литературная газета. 1970. 18 февраля.
- Колбановский В.* Вслух на «интимную тему» // Литературная газета. 1969. 11 июня.
- Литвинов В.* Речь идет о современности // Литературная газета. 1958. 19 июня.
- Нойберт Р.* Что мы знаем о самих себе? // Литературная газета. 1969. 20 августа.
- Пекелис В.* Советчик в любви // Литературная газета. 1969. 22 октября.
- Положение о службе знакомств: правила предоставления услуг населению службой знакомств. М., 1984. 5 с.
- Правда. 1971. 15 июня.
- Ректорисова М.* Средство против одиночества? // Литературная газета. 1967. 7 июня.
- Светланова Э.* Муж для галочки // Литературная газета. 1969. 8 января.
- Соловьев Н.* Развод. Почему? // Литературная газета. 1968. 16 октября.
- Тимофеев Ю.* Высокое и трудное бремя чувств // Литературная газета. 1967. 9 августа.
- Триодин В.* Итак, о диспутах и дискуссиях // Советская культура. 1966. 10 ноября.
- Харчев А.* Брак и семья в советском обществе. Л.: Ленинград. газет.-журнал. и кн. изд-во, 1964. 96 с.
- Шляпентох В.* Знакомства и свадьбы // Литературная газета. 1971. 9 июня.
- Шрейдер Ю.* Любовь к оракулам // Литературная газета. 1970. 1 января.

Библиографический список

- Атнашев Т., Вайзер Т., Велижев М.* Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 744 с.
- Богданов К.А.* Физики vs. лирики: к истории одной «придурковатой» дискуссии [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/5/fiziki-vs-liriki-k-istorii-odnoj-pridurkovatoj-diskussii.html> (дата обращения: 05.05.2024).
- Буреева Е.В.* История создания молодежных комсомольских кафе в 1960-х годах // Новейшая история России. 2021. № 1. С. 184–198.
- Димке Д.В.* Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2018. 264 с.
- Кибрик Н.Д., Язубов М.И.* История развития отечественной сексологии в московском научно-исследовательском Институте психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. 2020. № 1. С. 59–63.
- Кожевников А.Б.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–58.
- Кукулин И., Майофис М., Четверикова М.* Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР // Новое литературное обозрение. 2022. № 175. С. 190–228.
- Лазарева Л. Н.* Экономическая дискуссия 1962–1964 годов: выработка идеологии «косыгинской» реформы // Историко-экономические исследования. 2016. № 3. С. 453–466.
- Орлова Г.А.* Открывая рубрику: советские машины координации // Социология науки и техники. 2023. № 1. С. 24 – 31.
- Руттен Э.* Советская риторика искренности // Неприкосновенный запас. 2017. № 3. С. 172–192.
- Чупринин С.* Оттепель: события. Март 1953 – август 1968 года. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 1192 с.

- Штырков С.* «В городе открыт Дворец счастья»: борьба за новую советскую обрядность времен Хрущева // *Топография счастья: этнографические карты модерна: сб. ст. / сост. Н. Скорин-Чайков.* М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 261–275.
- Collins H.M.* Rethinking Expertise. Chicago: Chicago Press, 2007. xii+159 p.
- Costanzo S.* The 1959 Liriki-Fiziki Debate: Going Public With the Private? // *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia / ed. by L.H. Siegelbaum.* New-York: Palgrave Macmillan, 2006. P. 251–268.
- Dahlberg L.* Visibility And The Public Sphere: A Normative Conceptualization // *Javnost – The Public.* 2018. Vol. 25, no. 1–2. P. 35–42.
- Fairclough N.* Analysing Discourse: Textual Analysis For Social Research. London; New-York: Routledge, 2003. 288 p.
- Gerovich S.* From Newspeak To Cyberspeak: A History Of Soviet Cybernetics. Massachusetts: MIT Press, 2002. xiv+369 p.
- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.
- Leuenberger C.* Socialist Psychotherapy And Its Dissidents // *Journal of the History of the Behavioral Sciences.* 2001. Vol. 37, no. 3. P. 261–273.
- Lovell S.* Stenography and the Public Sphere in Modern Russia // *Cahiers du monde russe.* 2015. Vol. 56, no. 2–3. P. 291–326.
- Marks S.* Suggestion, Persuasion And Work: Psychotherapies In Communist Europe // *European Journal of Psychotherapy & Counselling.* 2018. No. 10. P. 10–24.
- Nieto-Galan A.* Science in the Public Sphere: a History of Lay Knowledge and Expertise. London; New-York: Routledge, 2016. xviii+270 p.
- Silverman D.* Harvey Sacks: Social Science and Conversation Analysis. Oxford: Oxford University Press, 1998. 232 p.
- Titarenko L., Zdravomyslova E.* Sociology in Russia: A Brief History. London: Palgrave Macmillan, 2017. viii+158 p.
- Wolfe T.* Governing Soviet Journalism. The Press and the Socialist Person after Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2005. xxiii+241 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.05.2024

THE INVENTION OF LONELINESS IN THE LATE SOVIET UNION: ON THE HISTORY OF A DISCUSSION

M. S. Kulagin

National Research University “Higher School of Economics”, Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia

kulagin.mi@mail.ru

ResearcherID: LWK-5900-2024

SPIN: 7891-0070

The article is devoted to the discursive discovery and subsequent framing of loneliness in the late Soviet society. The author is interested in how, in the late 1960s Soviet Union, the phenomenon of loneliness, previously described by international journalists as a consequence of the capitalist system, along with mass homelessness, unemployment, alienation, and atomization, was discovered, ideologically neutralized, and became part of the social policies of the late Soviet state. The article describes a meeting held in the editorial office of *Literaturnaya Gazeta* on June 20, 1967, where a closed discussion about loneliness took place. The purpose of the discussion was to discuss an article by a Czechoslovak journalist about the experience of discovering loneliness in the Czechoslovak SSR, developing strategies for describing it and inventing ways of overcoming it, such as marriage advertisements in rural and urban newspapers, as well as specialized dating services that provided professional help in finding a soul mate. The author defines the conditions for the emergence of such a discussion and approaches to the recruitment of experts who were part of the editorial policies of the renewed *Litgazeta* and the representation of Soviet human sciences in the space of public media. The paper examines the post-war history of the transformation of discussion as a special kind of discursive genre and practice of social interaction sensitive to changes in the system of social relations. It also focuses on the struggle between different discourses to define the meaning of loneliness during the discussion. The author turns to the discourse analysis model developed by Laclau and Mouffe to investigate the course of this struggle and to identify political implicatures in the speeches of the discussion participants. A list of discourses used by experts to fix the meaning of loneliness

has been identified, and antagonistic continua of meanings have been revealed. These meanings shaped the strategies of institutionalization of loneliness that followed the discussion.

Key words: discussion about loneliness, dating service, discursive transfer, articulation, discovery of the social problem, experts, human sciences in the USSR, cybernetics, late socialism.

References

- Atnashev, T., Vayzer, T. & M. Velizhev (2021), *Nesovershennaya publichnaya sfera: Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [Imperfect public sphere: the history of publicity regimes in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 744 p.
- Bogdanov, K.A. (2011), *Fiziki vs. liriki: k istorii odnoy «pridurkovatoy» diskussii* [Physicists vs. Lyricists: toward the story of one “goofy” discussion], available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/5/fiziki-vs-liriki-k-istorii-odnoj-pridurkovatoj-diskussii.html> (accessed: 05.05.2024).
- Bureeva, E.V. (2021), “History of the creation of youth Komsomol cafes in the 1960s”, *Noveyshaya istoriya Rossii*, № 1, pp. 184–198.
- Chuprinin, S. (2020), *Ottepel': Sobytiya. Mart 1953 – avgust 1968 goda* [Thaw: Events. March 1953 – August 1968], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 1192 p.
- Collins, H.M. (2007), *Rethinking expertise*, Chicago Press, Chicago, USA, 159 p.
- Costanzo, S. (2006), “The 1959 Liriki-Fiziki Debate: Going Public With the Private?”, in Siegelbaum, L.H. (ed.), *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*, Palgrave Macmillan, New York, USA, pp. 251–268.
- Dahlberg, L. (2018), “Visibility and the public sphere: A normative conceptualization”, *Javnost – The Public*, vol. 25, № 1–2, pp. 35–42.
- Dimke, D.V. (2018), *Nezabyvaemoe budushchee: sovetskaya pedagogicheskaya utopiya 1960-h godov* [An unforgettable future: the Soviet pedagogical utopia of the 1960s], Common place, Moscow, Russia, 264 p.
- Fairclough, N. (2003), *Analysing Discourse: Textual analysis for social research*, Routledge, London & New York, UK & USA, 288 p.
- Gerovich, S. (2002), *From Newspeak to Cyberspeak: A history of Soviet Cybernetics*, MIT Press, Massachusetts, USA, 369 p.
- Ivanov, K.V. (2000), “Science after Stalin: Reform of the Academy, 1954–1961”, *Naukovedenie*, № 1, pp. 184–211.
- Kibrik, N.D. & M.I. Yagubov (2020), “History of the development of national sexology in the Moscow Research Institute of Psychiatry”, *Sotsial'naya i klinicheskaya psichiatriya*, № 1, pp. 59–63.
- Kozhevnikov, A.B. (1997), “Games of Stalinist democracy and ideological discussions in Soviet science: 1947–1952”, *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, № 4, pp. 26–58.
- Kukulin, I., Mayofis, M. & M. Chetverikova (2022), “Behind-the-scenes improvisations: social cooperation, rule-breaking, and processes of cultural production in the late USSR”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 175, pp. 190–228.
- Laclau, E. & C. Mouffe (2001), *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, Verso, London, UK, 240 p.
- Lazareva, L.N. (2016), “Economic debate of 1962–1964: development of the ideology of the «Kosygin» reforms”, *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, № 3, pp. 453–466.
- Leuenberger, C. (2001), “Socialist psychotherapy and its dissidents”, *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, vol. 37, № 3, pp. 261–273.
- Lovell, S. (2015), “Stenography and the Public Sphere in Modern Russia”, *Cahiers du monde russe*, vol. 56, № 2–3, pp. 291–326.
- Marks, S. (2018), “Suggestion, persuasion and work: Psychotherapies in communist Europe”, *European Journal of Psychotherapy & Counselling*, № 10, pp. 10–24.
- Nieto-Galan, A. (2016), *Science in the public sphere: a history of lay knowledge and expertise*, Routledge, London & New York, UK & USA, 270 p.
- Orlova, G.A. (2023), “Opening the section: Soviet coordination machines”, *Sotsiologiya nauki i tekhniki*, № 1, pp. 24–31.
- Rutten, E. (2017), “Soviet rhetoric of sincerity”, *Neprikosnovenny zapas*, № 3, pp. 172–192.
- Shtyrkov, S. (2013), “«The Palace of Happiness has opened in the city»: the fight for a new Soviet ritual of the Khrushchev era”, in Ssorin-Chaykov, N. (ed.), *Topografiya schast'ya: etnograficheskie karty moderna* [Topography of happiness: ethnographic maps of modernity], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 261–275.
- Silverman, D. (1998), *Harvey Sacks: Social science and conversation analysis*, Oxford University Press, Oxford, UK, 232 p.
- Titarenko, L. & E. Zdravomyslova (2017), *Sociology in Russia: A Brief History*, Palgrave Macmillan, London, UK, 158 p.
- Wolfe, T. (2005), *Governing Soviet Journalism. The press and the socialist person after Stalin*, Indiana University Press, Bloomington, USA, 241 p.